УДК 930.1

ПОСТИНДУСТРИАЛИСТСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ИСТОРИИ: В ПОИСКАХ НОВЫХ ПОДХОДОВ

Извеков К.В.

Саранский кооперативный институт (филиал) АНОО ВО Центросоюза РФ «Российский университет кооперации», Саранск, e-mail: k.v.izvekov@rucoop.ru

Рассматривается причина возникновения постиндустриалистской типологии истории. В поисках интеграции критериев формационного и цивилизационного подходов к периодизации прошлого, исходивших из уровня соответственно экономического и культурного развития народов, появились теории стадиального роста У. Ростоу, Д. Белла, Э. Тоффлера. В рамках сформировавшейся во второй половине XX в. постиндустриалистской доктрины исторический процесс делился на три стадии: аграрное – индустриальное – постиндустриальное общество. Однако в постиндустриалистской типологии отсутствовали единый подход к периодизации истории и четкие представления о постиндустриальном обществе. Несмотря на попытки синтеза таких критериев, как экономика, технические инновации, с одной стороны, и культура – с другой, постиндустриалистские теории не смогли их объединить. Большинство их создателей придерживались идеи технологического детерминизма, согласно которой движущими силами развития общества признавались наука и техника.

Ключевые слова: постиндустриалистская типология истории, теории стадиального роста, стадии экономического роста, супериндустриальная цивилизация, аграрное общество, индустриальное общество, постиндустриальное общество

POSTINDUSTRIAL TYPOLOGY OF HISTORY: IN THE SEARCH FOR NEW APPROACHES

Izvekov K.V.

Saransk Cooperative Institute (branch) of the Russian University of consumers' cooperatives, Saransk, e-mail: k.v.izvekov@rucoop.ru

The cause of the postindustrial typology of history is considered in the article. The theory of stage growth by Rostou, Daniel Bell, Alvin Toffler appeared thanks to the search of integration criteria in formational and civilization approaches to periodization of the past, based on the level of economic and cultural development of people. As a part of postindustrial doctrine formed in the second half of XX century, historical process was divided into three stages: agricultural – industrial – post-industrial society. However postindustrial typology doesn't have any common approach to history periodization and clear representation of the post-industrial society. Despite the attempts to synthesize such criteria as the economy, technological innovation, on the one hand, and culture – on the other, postindustrial theory could not unite them. Most of the creators were for the idea of technological determinism, according to which the driving forces of the development of society science and technology were recognized.

Keywords: postindustrial typology of history, theory of stage growth, stage of economic growth, superindustrial civilization, agricultural Company, industrial society, post-industrial society

Формационный и цивилизационный подходы осуществляли типологизацию исторического процесса, исходя из экономического и культурного развития. Единство между ними достигалось крайне редко. Вместе с тем на уровне теории ученым второй половины XX в. становилось ясно, что дифференциация должна быть дополнена интеграцией. Для построения адекватной периодизации прошлого требовалось соединить эти два фактора исторического процесса.

У постиндустриалистской типологии истории можно выделить эмпирическую причину – упрочение общемировых тенденций, порожденных достижениями в науке, технике, технологии. Независимо от социально-политических условий большинство стран стали индустриальными, что привело к распространению стандартных, унифицированных форм жизнедеятельности. На историческую арену вышли развивающиеся страны. Возникла необходимость объяснения их отставания от европейских государств, США. В связи с этим универсальная схема организации общественных систем строилась с учетом того, на какой стадии освоения передовых научно-технических достижений находится та или иная страна. Появился новый тип периодизаций прошлого – теории стадиального роста, которые ставили задачей выделение таких способов социальной организации, которые одновременно выступают этапами всемирно-исторического развития. К подобным концепциям относятся доктрины стадий экономического роста (У. Ростоу), постиндустриального общества (Д. Белл), супериндустриальной цивилизации (Э. Тоффлер).

По мнению У. Ростоу, общество проходит пять этапов развития: традиционное общество (основано на аграрном хозяйстве, примитивной технологии; власть принадлежит собственникам земли); переходное

общество (характеризуется ростом производительности, формированием централизованного государства); стадия экономического подъема (связана с промышленным переворотом); стадия зрелости (быстрого созревания), или индустриальное общество (отличается развитой промышленностью, широким внедрением достижений науки и техники, урбанизацией); стадия развитости, или эра высокого массового потребления (в экономике доминирует сфера услуг).

Типология У. Ростоу имеет сходство с формацией: базируется на экономике, но признает за народами, находящимися на уровне традиционного общества, необходимость двигаться вперед – к стадии массового потребления. Теория стадий, как и формационная, задает цель исторического развития. Место коммунистической формации в ней занимает стадия массового потребления.

В отличие от К. Маркса У. Ростоу не допускает, что какое-либо общество в состоянии «перепрыгнуть» какую-либо стадию развития. На этом строится классификация конкретных государств. Первой до этапа подъема «добралась» в 1783 г. Англия, которая в 1802 г. вошла в стадию зрелости. К середине XX в. стадии массового потребления достигли США. В типологии У. Ростоу оставалось не ясным, является ли «массовое потребление» одной из многих или единственной характеристикой современного общества. Чем традиционное общество отличается от переходного: только ли формой хозяйства?

Еще мыслителям XIX в. (например, А. де Сен-Симону, О. Конту) было очевидно, что человечество вступило в индустриальную стадию развития. В конце 50-х гг. XX в. Р. Арон утверждал: «Европа состоит не из двух коренным образом отличных миров: советского и западного, а представляет собой единую реальность – индустриальную цивилизацию» [9, p. 42]. Отсюда Э. Геллнер выделил в истории человечества следующие стадии:

1) доаграрную (главные виды деятельности – охота и собирательство);

2) аграрную (сельское хозяйство);

3) индустриальную (промышленность) [3, с. 31].

Однако во второй половине XX в. обнаружилось, что индустриальная стадия социального развития пребывает в состоянии деградации, перехода к чему-то новому [см.: 8, с. 410–411]. Важнейшие изменения социальной действительности сводились к следующим:

– начался перелив капитала, трудовых ресурсов из производства в сферу услуг. Как отмечал Д. Белл, в 1970 г. в США «65% рабочей силы было занято в сфере услуг; около 30 – в промышленности и строительстве и неполных 5% – в сельском хозяйстве» [2, с. 330];

– возросло значение знания, его роль в обществе. Оно охватило все сферы: от производственной до индивидуальной, в которой престиж образования в течение XX в. поднялся на невиданную ранее высоту. По П. Дракеру, именно это изменение в значении знания обеспечило неизбежность и доминирующую роль современного капитализма» [5, с. 81];

– стала иной структура общества: буржуазия и пролетариат больше не выступали «агентами исторических преобразований» [см.: 4];

– использование техники позволило начать освобождение людей из производственного цикла. Задачей рабочего на предприятии стал контроль за ходом производственных процессов, а не непосредственное участие в них.

Поскольку игнорировать подобные социальные трансформации стало невозможно, потребовалась новая типология истории. Последняя должна была одновременно включать индустриальное общество как одну из фаз социального развития и раскрывать его новый этап. В итоге появилось представление о «постиндустриальном обществе».

Как отмечает В. Иноземцев, «истоки термина „постиндустриальное общество“ не могут быть названы достаточно однозначно» [5, с. 16]. Если использовать хронологический подход, то первым указанное понятие употребил в 1917 г. А. Пенти. Он, в свою очередь, считал предшественником А. Кумарасвами, занимавшегося изучением азиатских аграрных стран. После их исследований категория «постиндустриальное общество» (но не анализ характерных для него трансформаций) почти на 40 лет вышла из активного употребления в социальной теории. Ее «реанимация» была произведена в 1958 г. Д. Рисманом. Затем количество работ, в которых использовался термин «постиндустриальное общество» или связанная с ним проблематика, неуклонно возрастало.

Наука, по Д. Беллу, содержит зародыш будущего общества, в котором научный прогресс прекращает господство экономики над политикой. В перспективе экономические отношения станут подчиняться политическому контролю со стороны группы, которую М. Янг назвал «меритократами» – избранной элиты ученых и инженеров. Внедрение автоматизации в производство приведет к трансформациям в области занятости населения, так как расширится сектор сферы услуг.

Однако еще до выхода главного труда Д. Белл выявил и сформулировал сущностные характеристики качественно нового типа социальной организации: «Постиндустриальное общество – это общество, в экономике которого приоритет перешел от преимущественного производства товаров к производству услуг, проведению исследований, организации системы образования и повышению качества жизни; в котором класс технических специалистов стал основной профессиональной группой и, что самое важное, в котором внедрение нововведений... во все большей степени зависит от достижений теоретического знания... Постиндустриальное общество... предполагает возникновение интеллектуального класса, представители которого на политическом уровне выступают в качестве консультантов, экспертов... технократов» [10, p. 102].

В итоге типология прошлого по схеме «аграрное – индустриальное – постиндустриальное общество» работала до тех пор, пока ученые занимались углубленной разработкой ее завершающего этапа. Это направление нашло отражение в трудах А. Турена, Т. Роззака, И. Масуды. По мере дальнейшей конкретизации, понятие «постиндустриальное общество» перестало удовлетворять специалистов из-за своей чрезмерной абстрактности. В ходу были следующие определения общества, следующего за индустриальным: «постбуржуазное» (Д. Литгейм), «постцивилизационное» (К. Боулдинг), «постнефтяное» (Г. Барнет), «сервисное» (В. Фукс), «технотронное» (З. Бжезинский), «общество классовых услуг» (Р. Дарендорф), «общество личных услуг» (П. Хэлмос), «общество знания» (П. Дракер). Установив, что на смену индустриальному обществу приходит некий новый тип социальной организации, ученые обозначили его как «постиндустриальное общество», но далее предпочли не наполнять его новым содержанием, а пытаться выявлять очередные свойства изучаемой действительности, класть их в основу ее спецификации. Относительно изучаемого вопроса – типологизации исторического процесса – важно то, что роль в ней такого этапа, как «постиндустриальное общество», в результате становилась неопределенной, так как членение истории по схеме «аграрное – индустриальное – постиндустриальное общество» вступило в противоречие с попытками конкретизации завершающего этапа. Требовались новые подходы, один из которых предложил Э. Тоффлер.

Ученый вступил в спор с классическим вариантом постиндустриалистской типологии истории. С одной стороны, он признал то, что контуры нового этапа исторического развития уже проступают в современной действительности: «это люди, занятые в розничной торговле, работники администраций, системы коммуникаций, науки, образования и т.д. Впервые в истории человечества... была создана... экономика сферы услуг», которая поглощает все больше трудоспособного населения, вытесняя его из промышленности и сельского хозяйства [7, с. 27]. С другой стороны, Э. Тоффлер не удовлетворен неопределенностью предложенного Д. Беллом термина «постиндустриальное общество». Он остановился на понятии «супериндустриальное общество», которое говорит о том, что качества индустриального общества при такой социальной организации намного усилились и стали доминирующими: «Этот термин служит для обозначения сложного, быстро движущегося общества, опирающегося на высокопередовую технологию и постматериалистическую систему ценностей» [7, с. 31–32].

Тоффлеровская концепция стадиального развития уподобляет исторический процесс волнообразному движению. Первую волну американский социолог связывает с аграрным периодом в истории человечества: «Общества «первой волны» получали энергию от „живых аккумуляторов» – мускульной силы человека и животных – или от солнца, ветра и воды... товары обычно производились кустарным способом; изделия изготовлялись поштучно и на заказ, что в значительной степени относилось и к распределению» [11, p. 25–26].

Вторая волна связана с индустриальным развитием, характеризующимся промышленным переворотом и научно-технической революцией. Третья волна – прорыв человека в области автоматики, вычислительной техники. Информация становится главным фактором общественной динамики. Э. Тоффлер считал, что именно знания – основная движущая сила развития супериндустриального общества.

Однако и теория «волн Тоффлера» не может быть признана удовлетворительной из-за отсутствия единого основания, лежащего в основе его классификации прошлого. Первая волна базируется на мускульной силе человека; вторая – на индустрии (промышленности); третья – на информации.

Есть ли выход из сложившегося положения? Можно ли создать постиндустриалистскую типологию истории, не дробя ее последний этап на отдельные части? Наиболее конструктивной в этом плане представляется позиция В.Л. Иноземцева, который предложил противопоставлять постиндустриальное общество

доиндустриальному и индустриальному по следующим критериям:

– основному производственному ресурсу (в постиндустриальном обществе им является информация, в индустриальном – энергия, в доиндустриальном – первичные условия производства, сырье);

– типу производственной деятельности (он рассматривается в постиндустриальном обществе как последовательная обработка в противоположность изготовлению и добыче на более ранних ступенях развития);

– характеру базовых технологий (в постиндустриальном обществе – наукоемкие, в эпоху индустриализма – капиталоемкие, в доиндустриальный период – трудоемкие).

Данная схема позволила ученому сформулировать положение о «трех обществах», согласно которому «доиндустриальное общество базируется на взаимодействии человека с природой, индустриальное – на взаимодействии с преобразованной им природой, а постиндустриальное общество – на взаимодействии между людьми» [5, с. 29–30]. В итоге преодолевается главный недостаток постиндустриалистской типологии истории, отмеченный Э. Тоффлером, – описание социальной действительности «в терминах одного или двух довольно узких измерений: коммуникаций и единения» [7, с. 31]. В.Л. Иноземцевым используются такие основания, как «производственный ресурс», «тип производственной деятельности», «вид взаимодействия», «характер базовых технологий». Тем самым не нужно выделять в отдельный этап исторического развития или в рамках постиндустриального общества стадии «информационного общества». Следует лишь добавлять к выделенным В.Л. Иноземцевым основаниям новые или менять существующие. Например, признать, что в постиндустриальном обществе главным видом взаимодействия выступает не абстрактное «между людьми», а более конкретное – «сервисное». В итоге базовая схема постиндустриалистского подхода (аграрное – индустриальное – постиндустриальное общество) сохранится.

Итак, в рамках сформировавшегося во второй половине XX в. постиндустриалистского подхода исторический процесс делился на три стадии: агарное – индустриальное – постиндустриальное общество. Потребность конкретизации последнего этапа поставила перед необходимостью выйти за рамки названной схемы. Несмотря на попытки синтеза экономики, технических инноваций, с одной стороны, и культуры – с другой, постиндустриалистский подход сделать это не смог. Его представители (за отдельными исключениями) оставались на уровне идеи технологического детерминизма, согласно которой движущими силами, решающими факторами развития общества признавались наука и техника.

Список литературы

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М.: Academia, 1999. – 956 с.

2. Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе. – М., 1986. – С. 330–342.

3. Геллнер Э. Нации и национализм. – М.: Прогресс, 1991. – 320 с.

4. Маркузе Г. Одномерный человек. – М.: RELF-book, 1994. – 368 с.

5. Новая постиндустриальная волна на Западе: антология. – М.: Academia, 1999. – 640 с.

6. Семенов Ю.И. Всемирная история как единый процесс развития человечества во времени и пространстве // Философия и общество. – 1997. – № 1. – С. 156–217.

7. Тоффлер Э. Шок будущего. – М.: АСТ, 2002. – 557 с.

8. Турен А. От обмена к коммуникации: рождение программированного общества // Новая технократическая волна на Западе. – М., 1986. – С. 410–430.

9. Aron R. 28 Lectures on Industrial Society. – L.: Roulege and Keagan, 1968. – 350 p.

10. Bell D. Notes on the Post-Industrial Society // The Public Interest. – 1967. – № 7. – P. 100–119.

11. Toffler A. The Third Wave. – N. Y.: Penguin Press, 1980. – 350 p.

References

1. Bell D. The coming post-industrial society. Experience in social forecasting. Moscow: Academia, 1999. 956 p.

2. Bell D. Social frameworks of the information society // New technocratic wave in the West. M., 1986. pp. 330–342.

3. Gellner E. Nations and Nationalism. Moscow: Progress Publishers, 1991. 320 p.

4. Marcuse H. One Dimensional Man. M.: RELF-book, 1994. 368 p.

5. Postindustrial New Wave in the West: An Anthology. Moscow: Academia, 1999. 640 p.

6. Semenov Yu. World history as a unified process of human development in time and space // Philosophy and Society. 1997. no. 1. pp. 156–217.

7. Toffler E. Future Shock. M.: ACT, 2002. 557 p.

8. Touraine A. From exchange to communication: the birth of the programmed society // technocratic New Wave in the West. M., 1986. pp. 410–430.

9. Aron R. 28 Lectures on Industrial Society. L.: Roulege and Keagan, 1968. 350 p.

10. Bell D. Notes on the Post-Industrial Society // The Public Interest. 1967. no. 7. pp. 100–119.

11. Toffler A. The Third Wave. N. Y.: Penguin Press, 1980. 350 p.

Рецензенты:

Кевбрин Б.Ф., д.ф.н., профессор, зав. кафедрой социально-экономических дисциплин Саранского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации, г. Саранск;

Айзятов Ф.А., д.ф.н., профессор кафедры социально-экономических дисциплин Саранского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации, г. Саранск.

Работа поступила в редакцию 02.06.2014.